

Логика реформ

Экономическая теория после нынешнего периода радикальной трансформации восточноевропейской экономики приобретает существенно иные черты. Наиболее очевидным, хотя и не самым важным, результатом преобразования является перемещение разделов, посвященных советской и восточноевропейской экономикам, с полки, на которой написано «сравнительный анализ экономических систем», на другую полку, которая называется «экономика развития».

Если попытаться хотя бы коротко отметить, что нового принесли преобразования в Восточной Европе и в России в экономическую теорию, уместно вспомнить, как представлялся этот процесс в середине 80-х годов в традиционных работах по анализу экономических систем и экономических реформ в социалистических странах.

Перечитывая сегодня эти работы, видишь, что, пожалуй, наиболее серьезной ошибкой, опровергнутой жизнью, было представление о высокой степени управляемости процесса трансформации социалистической экономики в рыночную. Идея, что этот процесс будет происходить в форме некой «социальной инженерии», что мощное государство, исходя из соображений либо социальной справедливости, либо экономической эффективности, будет приносить новые эффективные рыночно ориентированные механизмы, постепенно вытесняющие традиционные для иерархически организованной экономики механизмы ресурсного регулирования, оказалась иллюзией.

Именно здесь возникали проблемы устойчивости таких преобразований, угрозы их отторжения. Поэтому упор делался на выявление оптимальной последовательности шагов, которые позволили бы обеспечить их устойчивость и т.д.

Опыт показал, что реально процесс идет иначе. Он начинается, когда традиционные политические институты власти теряют способность обеспечивать эффективный политический контроль над страной, ситуацией в экономике. Коренные преобразования осуществляют или пытаются осуществлять институционально слабые правительства, имеющие лишь ограниченную возможность и свободу маневра и вынужденные сталкиваться с мощными "тектоническими" процессами в обществе и экономике.

Наиболее остро обозначается вакуум микроэкономического регулирования, следующий за утратой государством способности эффективно управлять материальными потоками. Выясняется, что утрата органами власти – от райкома партии до правительства – способности обеспечить перетекание материально-технических ресурсов туда, где это необходимо для общества, происходит не тогда, когда формируются устойчивые, развитые предпосылки эффективной реализации соответствующих задач на основе рыночных механизмов, а значительно раньше – при их явном отсутствии. Возникает институциональный вакуум, при котором ресурсные потоки уже не регулируются традиционно через целостную властную иерархию и еще не регулируются рынком, хотя бы монополизированным. В Советском Союзе эти противоречия в 1989–1991 годах приобрели, пожалуй, наиболее драматические очертания, что можно объяснить и размерами страны, и быстрой потерей управляемости народным хозяйством, и комплексом специфических структурных черт российской экономики. В результате к 1991 году, когда контроль за ресурсными потоками был утрачен как на уровне Союза, так и на уровне России, начали развиваться хаотические и неуправляемые процессы свертывания экономической активности, очень болезненные для жизнеобеспечивающих отраслей.

Запуск рыночных механизмов, как и в восточноевропейских странах, происходит, когда еще не созданы соответствующие предпосылки, не сформирована развернутая, хорошо проработанная система прав частной собственности, рыночных институтов регулирования, перераспределения финансовых ресурсов и т.д. Их приходится включать в тот критический момент, когда полностью отказывают традиционные иерархические механизмы регулирования распределения ресурсов. И здесь возникает сложнейшая проблема для хозяйственных звеньев, которым неожиданно, практически с чистого листа приходится приспосабливаться к принципиально иному механизму регулирования. Данная проблема усугубляется тем, что в последние годы тоталитарного режима происходит последовательная утрата способности регулировать финансовые пропорции в рамках иерархической экономики.

При всех своих недостатках с точки зрения эффективности использования ресурсов традиционная социалистическая экономика обеспечивала высокие темпы экономического роста на протяжении исторически длительного промежутка времени, в том числе и в силу способности в крупных масштабах мобилизовать через государственные каналы финансовые ресурсы и направлять их на экономическое развитие. На этой основе формировался крупный, относительно неэффективный, но, тем не менее, обильно финансируемый инвестиционный комплекс. Естественной предпосылкой такой модели развития была способность государства подавлять любые проявления социального

недовольства, регулировать активность социальных групп, пытающихся перераспределить ресурсы в собственных интересах. Именно на этой основе в восточноевропейских странах, в Советском Союзе на протяжении длительного периода времени обеспечивалась макроэкономическая стабильность. Темпы роста денежных агрегатов на протяжении десятилетий были устойчиво низкими. Но в последние годы кризис тоталитарного режима привел и к утрате финансового контроля. Финансовый кризис почти всюду является первой стадией перехода к крушению тоталитарных режимов. Быстро растут государственные расходы фактически по всем направлениям, идет эскалация претензий социальных групп и одновременно резко сокращается способность государства мобилизовывать финансовые ресурсы.

К тому времени, когда в России полностью отказали традиционные регуляторы материальных потоков, сформировались мощные финансовые диспропорции. Был накоплен крупный инфляционный навес, оценить величину которого к концу 1991 года было в принципе невозможно в силу значительных изменений в "денежном" поведении. Вместе с тем факт его существования был достаточно очевиден, исходя из микроэкономических наблюдений. Обозначились и крупные диспропорции в денежных потоках, дефицит государственного бюджета превысил 20 процентов валового национального продукта. В этой ситуации, особенно учитывая отсутствие развитых рыночных регуляторов, запуск рыночного механизма сопряжен с серьезной угрозой немедленного развития гиперинфляционных процессов. Именно это было доминирующей темой дискуссии по поводу перспектив радикальных экономических реформ в Советском Союзе на протяжении последних 2-3 лет, когда диспропорции уже в полной мере проявились. Возникла угроза того, что непосредственной реакцией на попытку запустить рыночный механизм станут быстрый вход в гиперинфляцию, разрушающую денежное обращение, резкое ускорение обращения денег, и в результате вместо запуска рыночного механизма мы получим ту же самую дефицитную, безденежную экономику при формально свободных ценах. На мой взгляд, это было наиболее серьезной проблемой, связанной с вынужденным запуском рыночного механизма.

Что же нужно сказать по итогам последнего года о возможности противостоять инфляционным процессам в условиях лишенной рыночных институтов постсоциалистической экономики? Во-первых, мощное влияние оказывает инфляция издержек. Все поведение хозяйственных субъектов в полной мере является затратноориентированным. На протяжении первого периода спросовые ограничители в производственной сфере почти не воспринимаются как реальные. Требуются время и относительные твердость и последовательность политики для того, чтобы предприятия

осознали, что они оказались в принципиально другой ситуации, начали иначе реагировать на денежные факторы, ограничивая темпы роста цен, сокращая производство продукции, не пользующейся спросом по предлагаемым ценам, и т.д.

Если отвлечься от деталей, то можно сказать, что реакция хозяйственных субъектов на ограничительную макроэкономическую политику была адекватной. Темпы роста цен, как это было характерно и для подавляющего большинства восточноевропейских стран, прошедших аналогичный период трансформации, довольно устойчиво снижались в месячном исчислении, начиная с экстремально высоких уровней января и до относительно умеренных уровней июля – начала августа. Предприятия обеспечили существенно больший, чем это вытекало из накопленного инфляционного навеса, темп роста цен, в первую очередь за счет экспансии взаимных кредитов. Необходимо заметить, что максимальный объем этих кредитов, который был достигнут к 1 июля и составил 3,2 млрд р., равняется примерно 20 процентам годового валового продукта 1992 года. Примерно до той же величины он вырос, скажем, в Чехословакии в аналогичной ситуации. С течением времени у нас будет возможность внимательно изучить процесс экспансии подобных кредитов в условиях замораживания цен, и, может быть, удастся выявить, почему столь сходным является макроэкономический результат запуска такого механизма. Роль же его очевидна – это амортизатор, позволяющий приспособить затратноориентированное ценообразование предприятий к ограничительной денежной политике государства, эмитируя низколиквидные денежные средства.

Когда говорят, что экспансия кредитов между предприятиями парализует эффективность антиинфляционной политики, упускают из виду, что если бы это было так, то не было бы и страшного давления предприятий, направленного на перевод этих квазиденег в нормальные ликвидные деньги. Именно отказ Центрального банка и правительства удовлетворить эти претензии предприятий заставлял их шаг за шагом приспособляться к принципиально новой ситуации, когда они вынуждены ориентироваться на платежеспособный спрос. С течением времени происходят изменения в системе платежных отношений и в той традиционной модели поведения социалистического предприятия, в рамках которой оно вообще не озабочено тем, сколько и кому оно отгружает продукцию и когда получит за нее оплату. Предприятия начинают внимательно отслеживать платежеспособность собственных клиентов, постепенно переходят от платежных поручений к другим, более обязывающим потребителя формам оплаты.

Специфические проблемы в условиях советской экономики связаны с тем, что здесь явно отсутствует "номинальный якорь", к которому привязываются

стабилизационные меры. Использовать в качестве номинального якоря замораживание заработной платы – это решение из общеэкономических соображений возможно, но социально политически абсолютно нереализуемо. Пытаться в нашей экономике, в нашей социальной ситуации разморозить цены и одновременно в любом звене экономики заморозить заработную плату – значит вызвать неизбежные социальные взрывы, да и просто лавину требований, которой правительство не сможет противостоять и будет вынуждено отступить по широкому кругу позиций, после чего в образовавшийся прорыв неизбежно ворвутся все остальные профессиональные и социальные группы.

Использование в качестве номинального якоря валютного курса рубля неприемлемо по другим причинам. Во-первых, экономика остается сравнительно закрытой, роль валюты ограничена, и ее курс малоэффективен в качестве номинального якоря. И, во-вторых, мы вошли в реформу с нулевыми валютными резервами, практически без возможностей маневра посредством валютных интервенций. Попытка в этой ситуации зафиксировать курс была бы авантюрой. В результате мы вынуждены были начать стабилизационную политику ортодоксального типа, не предполагающую использование какого бы то ни было номинального якоря. В этой ситуации мы ожидали, что инфляционная инерция будет сильной и что эффективность макроэкономической политики окажется относительно ограниченной.

Именно поэтому мы не ставили целью добиться немедленно устойчивого макроэкономического равновесия, остановить полностью рост цен (в условиях накопленных крупных структурных и ценовых диспропорций эта задача была бы явно нереальной), а хотели избежать катастрофических диспропорций в денежной сфере, и в первую очередь развития гиперинфляционных процессов. Эту задачу в общем и целом решить удалось. Даже при отсутствии номинального якоря ограничительная политика работала.

Несколько слов о проблемах структурных реформ и долгосрочных перспективах развития нашей экономики. Очевидно, что не существует экономически оптимальных моделей приватизации государственной собственности. Это тот сюжет, где кончается логика экономических взаимосвязей и начинаются социально-политические коллизии. Мы не пытались сформировать бесспорно безупречную модель приватизации, а придерживались более практичной модели, которая должна быть принята влиятельными социальными группами, как в какой-то степени отражающая совокупность их интересов, и может быть осуществлена, потому что она реально опирается на интересы всех хозяйственных субъектов. Именно отсюда вынужденные компромиссы, сочетание в приватизационной программе противоречивых концепций, связанных с интересами

трудовых коллективов, интересами директоров, интересами граждан (народная приватизация).

Судя по тому, как начал разворачиваться процесс акционирования предприятий, думаю, что все-таки баланс интересов здесь удалось найти. Сегодня уже не приходится предприятия «загонять палкой» в акционирование, налицо иная ситуация – если совсем недавно органы управления постоянно обращались с предложениями изъять ту или другую отрасль из числа подлежащих приватизации, то сегодня мы постоянно сталкиваемся с требованием снять имеющиеся ограничения, расширить круг хозяйственных субъектов, на которые распространяются приватизационные процедуры.

Если говорить о долгосрочных проблемах развития нашей страны и вообще постсоциалистических экономик, которые сейчас кажутся очевидными, то из них наиболее серьезной представляется долгосрочный дефицит сбережений, необходимых для устойчивого финансирования восстановления экономического роста. К сожалению, социалистическая экономика оставляет в наследство структуру накопления, крайне мало приспособленную к обеспечению устойчивого роста. Государство как главный, традиционный субъект накопления социалистической экономики, начиная с конца 80-х годов, по крайней мере в нашей стране, уходит из этой сферы, объем бюджетных инвестиций становится меньше, чем дефицит государственного бюджета. А предприятия, столкнувшиеся с принципиально новой для себя хозяйственной ситуацией при запутанности отношений собственности, переключают свою активность на создание запасов и очень редко заинтересованы в финансировании крупных инвестиционных проектов. В этой связи, естественно, сокращаются роль и удельный вес предприятий в финансировании экономического развития.

Наконец, мы имеем дело со стабильно низким уровнем нормы сбережений населения, доставшейся нам по наследству от социалистической экономики. Подобная ситуация обусловлена функционированием системы социальной поддержки, по существу, перекрывающей те основные направления, на основе которых формируются частные сбережения в рыночной экономике. Некачественное, но бесплатное здравоохранение, бесплатное образование, бесплатное жилье, система пенсионного обеспечения воспроизводят низкий уровень нормы сбережений населения. Это, пожалуй, наиболее серьезная долгосрочная проблема посткоммунистических экономик: как перейти от роста, базирующегося на крупных налоговых изъятиях и государственном финансировании, к росту, базирующемуся на крупных частных сбережениях населения, их перераспределении через рыночные институты и направлении на высокоэффективные долгосрочные проекты; как на этой основе задействовать оставшийся, в значительной

степени неиспользуемый инвестиционный комплекс, созданный в России. Эта нетривиальная задача только поставлена и весьма далека от решения. Здесь и будет стержень экономической стратегии переходного периода.

Серьезнейшие экономические проблемы, которые порождены процессом перехода к рыночной экономике в Восточной Европе и Советском Союзе, станут предметом долгосрочных исследований. Я абсолютно убежден в том, что подробное, дескриптивное изучение, анализ реального хода этих преобразований позволили бы существенно расширить наше общее представление о социально-экономических закономерностях развития, о том, как процесс развития протекал в XX веке и какие перспективы открываются нам в XXI веке.